

VII.
Poetika překladu

АВТОРСКИЕ АКЦЕНТЫ В ПЕРЕВОДАХ ЧЕШСКИХ ПОЭТОВ ЕВГЕНИЯ МАЛАНЮКА

Валентина Федюнок (Украина)

Евгений Маланюк (1897-1968) – один из выдающихся представителей украинской диаспоры, автор тринадцати поэтических сборников, мыслитель, литературовед и критик, знаток традиций отечественной европейской культуры, 100-летие со дня рождения которого мы отметили совсем недавно.

Трагическим и сложным был жизненный и творческий путь этого поэта. Обладая натурой яркой, цельной и бескомпромиссной, запрограммированной на национализме в его положительном смысле, он вызывал неприятие своего творчества, выразившееся в стремлении вычеркнуть его имя из истории национальной культуры у тех в Украине, кто не мог с ним соперничать уровнем поэтического дарования или силой духа. Тем более, что творчество поэта постоянно напоминало оппонентам, что путь, избранный ими, или, вернее, навязанный им волею обстоятельств, ведет страну к упадку.

В межвоенный период, находясь далеко от родины – в Чехии, а затем в Польше, и еще не предвидя для себя судьбу вечного скитальца, Маланюк основательно знакомится с историей и культурой других славянских стран. Эти познания становятся базой для его собственных критериев при оценке происходящего дома. Освоение культурного наследия других народов, связи – творческие, дружеские, позволяют ему органично влиться в интеллектуально-культурную жизнь Европы, а одновременно лучше понять судьбу своего народа, свою роль в ней.

Особенно тесно в эти годы жизнь Маланюка связана с Чехией. По сути она стала ему второй родиной. Активный участник освободительной борьбы украинского народа 1917-1921 гг., старшина в армии Украинской Народной Республики, Маланюк вместе с другими такими же, как он, молодыми патриотами после падения Республики оказался в Чехии. Здесь он окончил созданную при поддержке президента Масарика Украинскую хозяйственную академию (Падебрады, 1923г.), сблизился с многими выдающимися деятелями европейской культуры, в частности, с писателями Ф. Галасом, Яр. Сейфертом, Вац. Фиалкой, Клем. Бахоржоком и др. Осо-

бенно теплые отношения связывали поэта с *синьером* чешской литературы Йозефом Махаром. Об этом напоминают письма¹ и стихи² Маланюка:

Дивлось з вагону, отискую свій біль,
Вже Колін ось – Махарова дідизна...
Прощай, весело весно чеських піль, –
Моя була жорстока і залізна.

Маланюка в Чехии межвоенного периода знали не только как талантливого украинского поэта, но и как переводчика произведений мастеров чешской поэзии. Это стихи и проза появлялись в эти годы на страницах многих периодических изданий, таких как *Prager Presse*, *Slawische Rundschau*, *Slovanský přehled*, *Středisko*, *Slovenské pohľady*, *Cesta*. Об интересе к творчеству Маланюка в среде чешской поэтической элиты свидетельствуют переводы его произведений, появляющиеся в различных журналах, например, Земек в *Středisko*³ и др.

Как видим, вынужденная эмиграция не привела поэта к духовной изоляции. Тысячи неразрывных крепких нитей связывали его и с Украиной. В Чехии шлифуются его поэтическое мастерство. Новыми символами обогащается творческая палитра. Свежие впечатления, обретенные в Чехии, соотнесенные с украинским опытом 20-30-х годов, побуждали Маланюка к переосмыслению исторического пути родины, рождали горячее желание познакомить соотечественников с вершинными произведениями чешских писателей.

Теплым, нежным чувством проникнуты стихотворения чешской тематики:

Так примиренно і так просто крокує ніч.
На ликах Карлового мосту відблиски світ.
Тоді вшухає пломінь спраги – співуча мить! –
І вічність на камінні Праги ляга спочить.⁴

¹ Неврлий, М.: Листы Е. Маланюка до Й. Св. Махара. Слово і час, 1991, № 8, с. 16-19.

² Маланюк, Е.: З Моравської весни. Дажбог, 1933, ч. 4, с. 65.

³ Ně. *Středisko*, revue pro umění a kulturu, R. ii, 1931-1932, с. 169.

⁴ Маланюк, Е.: Вірші. К., 1992, с. 77.

Не имея возможности более подробно остановиться на этой части наследия поэта, отметим лишь, что такое отношение к Чехии было вызвано не только красотой края, но прежде всего глубоким чувством благодарности земле, которая, приютив поэта в трудную пору его жизни, позволила, сменив оружие: *стилет на стилось*, продолжить борьбу.

Наибольший интерес, особенно учитывая мощь таланта и человеческой природы Маланюка, представляют для нас переводы произведений чешских поэтов. Они говорят не только об исключительном эстетическом чутье их автора, но и о строгости идейных критериев, которым подчинялся отбор оригиналов. При несомненном учете художественных достоинств текстов выбор все же в значительной степени определялся их созвучностью тому, что волновало самого переводчика и было актуально для его родины. Определенные требования на материал для перевода выдвигала и общая *историософическая* направленность поэзии Маланюка, на которой он сам не раз акцентировал внимание. Все это объясняет, почему среди переведенных Маланюком стихотворений оказались произведения таких разных по стилистике поэтов как Й. Св. Махар и Св. Чех. О том, что обращение к их творчеству не было делом случая, свидетельствует эпистолярное наследие мастера. Так, в письме из Варшавы польскому литературоведу и издателю Е. Ю. Пеленскому от 19 декабря 1938 г., предлагая материал для публикации в львовском *Дажбоге*, писатель признается: *Из поэтов чешских мне наиболее симпатичны Махар и Дурих, но можно добавить Св. Чеха.*⁵

Хотя способ передачи чужого текста у Маланюка зависел от различных обстоятельств, например, от того, был ли писатель лично знаком с автором, все же определяющим моментом в том, насколько свободно обращался переводчик с произведениями, была задача, которую он мог и должен был решать с его помощью в контексте всего своего творчества. Косвенно на это указывают и замечания, сделанные им относительно переводов поэтов-современников, например, : *„Каждый атор волен выбирать для перевода то, что ему нравится. Если я переводил из творчества чешского поэта С. Земека его стихотворение об Украине, это мое дело, даже если Земеку это не нравится.*“⁶

Переводы, включаемые Маланюком в свои сборники, вливаются в них органично, увязываются тематически и идейно с циклом, решают

⁵ См. Материалы рукописного отдела ЛНВ им. В. Стефаника НАН У, Ф. 232, с. 77.

⁶ Лисенко, Н.: Так навчилися ми все обертать у вірші. Слово і час, 1994, № 11-12, с. 34.

одну с ним задачу. Исключение в этом смысле представляет лишь перевод *Песен раба* Св. Чеха, который не вошел ни в один из его поэтических циклов, не стал частью ни одного сборника.

Как правило, каждый перевод Маланюка, проявляющийся в печати, сопровождался его предисловием, содержащим необходимые авторские пояснения. Во вступительном слове к переводу пяти частей *Песен раба*, сделанных для галицкого *Литературно-научного вестника* (далее ЛНВ), он объясняет свое обращение к чешской поэзии: „Украинскому обществу имеет смысл ближе и глубже присмотреться к такой на первый взгляд скромной чешской литературе. Прежде всего она далеко не так скромна, как это привыкли некритически повторять плохо информированные люди. Второе и это самое важное для нас – чешская литература является классическим примером литературы национального возрождения, литературы, в которой почти вся ее артистическая энергия выразительно пошла на политическое освобождение национальных и государственных чувств народа, на спасение чешского народа от национального уродства и превращения австрийского раба в здоровую, трезвую, свободную (и волевою) конструктивную национальную единицу.“⁷

Касаясь непосредственно творчества Св. Чеха, он акцентирует внимание на значении его поэтического слова для исторического экзамена грядущей государственности, который, по его мнению, еще ожидает украинцев. Определяя место таких личностей как Чех, Масарик, Махар в политике и литературе, он оценивает их прежде всего как деятелей, которые своим словом имеют право на пощечину, иронию, жгучий сарказм, так как ими они выжигают в чешской душе послушность раба-обывателя. Оценивая с этой же позиции современных ему украинских поэтов и их невыносимо-слащавым псевдо-поэтическим народническим реквизитом, он считает своим долгом напомнить им об обязанностях деятелей искусства, и для этого предлагает посмотретья в беспощадное зеркало *Песен раба*. Как видим, для Маланюка Св. Чех прежде всего поэт-будитель, воздействующий на свой народ не просветительскими комплиментами его рабству, а безжалостным и жестким открыванием его наиболее неприглядных сторон. В поэтическом кредо Маланюка, выраженном им в стихотворении *Ars Poetica* (1924 г.) в форме:

⁷ См. ЛНВ 1930, № 3.

Поет – мотор! Поет – турбіна!
Поет – механік людських мас...,

и в том, с которым можно соотнести творчество чешского поэта, *поэт – певец, пророк (L'art Poetique)*, много общего. Именно эта внутренняя близость и стала, как нам кажется, поводом обращения Маланюка к поэзии Св. Чеха.

Впрочем такую ситуацию, когда в наиболее ответственные моменты истории, в период подъема национального самоосознания народа во главе нации становились именно поэты, деятели искусства, для славян можно считать явлением обычным. Достаточно вспомнить *штуровскую генерацию* словаков, таких украинских гениев как Леся Украинка и Тарас Шевченко. Мысли, сходные с идеями Св. Чеха, звучали и в творчестве М. Кулиша. Небезынтересно будет напомнить, что украинская интеллигенция, объединившаяся в начале века вокруг ж. *Рідний край*, редактором которого была писательница Олена Пчилка (мать Л. Украинки), ощутив необыкновенную важность наследия Св. Чеха для духовного становления украинской нации, также обратилась к *Песням раба*. Возможно, что именно ознакомление с ХП песней, вышедшей в переводе О. Пчилки в № 16 за 1908 г. упомянутого журнала, способствовало появлению в поэзии Л. Украинки образа поэта-пророка.

Для Маланюка, доминантой творчества которого стала идея украинской государственности, пример его великого предшественника был подтверждением того, что именно на поэтов во все времена возлагается особенно ответственная миссия в судьбах своих народов. Перевод *Песен раба* можно рассматривать как произведение в определенном смысле итоговое, отражающее то, к чему пришел Маланюк как поэт и человек в 30-ые годы. Само же обращение к поэзии такой взрывной силы, с таким богатым вторым планом, а также печатание его в ЛНВ (1930, № 3), журнале, хотя и запрещенном на Украине, но все-таки попадавшем в руки мыслящей интеллигенции (а потому ориентировавшемся и на читателей большевистской Наддніпрянщини), можно оценивать как реакцию на события тех лет на родине коллективизацию, репрессии, с которыми Маланюк не мог смириться, против которых бунтовал и звал бороться других.

Еще одной особенностью переводческой манеры поэта, проявившейся при работе с поэзией Св. Чеха, является бережное отношение к тексту источника. Переводчик вносит лишь небольшие и почти незаметные, органично вливающиеся, но крайне существенные в смысловом отношении

коррективы, которые делают произведение злободневным для украинской аудитории. Так, если Св. Чех, учитывая цензурные условия, существовавшие в Чехии в период создания поэмы (перв. публикация в 1894 г.), *кодирует* текст таким образом, что происходящее в его родной стране внешне воспринимается как события в некоей далекой экзотической земле, Маланюк, наоборот, производит *перекодирование*. Вводя в произведение слова, передающие украинский культурно-исторический колорит (реалии обыденной жизни: бандура, кайдани, коліскові співи, сердета, гедваб; элементы типичного пейзажа: висоти неба, ниви, дерева при тихій воді, вечір дивним шерехом поняв; устойчивые словосочетания из народно-поэтического языка: лихом кинь об землю, очі дівочі, поки сонце зійде – очі їсть роса и т. д., он как бы уточняет место нахождения этого затеряющегося государства, подчеркивая тем самым, что рассказанное кажется реально существующего народа.

С другой стороны, при передаче содержания поэмы, стремясь не нарушить гармоничность ее организации, он опускает те поэтические символы, отсутствие которых не обедняет содержание ее в целом, ср., например:

Dobře dnes tu pod palmami hověti ve světu lunny
Добре тут, у сяйві ночі одпочить.

Частичное сохранение их ведет к созданию своеобразного символического триединства: события воспринимаются как бы сразу в условиях Украины, Чехии и далекой чужой страны, т. е. как всеобщие. При этом событие в отдельной стране вырастает в интерпретации Маланюка до знака мировой истории, знака-универсалии, явления, присущего истории каждого народа в эпоху его становления. А следовательно, может рассматриваться как своеобразная *болезнь роста*, которую можно и нужно преодолеть.

Переводы произведений Й. Св. Махара – современника, учителя, друга Е. Маланюка – вошли в основном в последние прижизненные книги поэта – *Последняя весна* (1959) и *Август* (1964). В одном из более ранних сборников – *Перстне Поликрата* (1939) – находим перевод стихотворений *Псалм*. Отдельные переводы печатались в периодике. Сравнение этих произведений, созданных Маланюком в разное время и при разных обстоятельствах, дает возможность нам говорить не только об отдельных

творческих находках поэта, но и проследить эволюцию в подходе к переводу вообще.

Тут хотелось бы напомнить, что Махар в пору знакомства с Маланюком уже воспринимался чешским обществом как живой классик, признанный гений, но однако совсем не автор произведений на злобу дня. Переводы, сделанные украинским поэтом, как бы дали вторую жизнь написанному им, высветали непреходящее значение его творчества для истории культуры, в частности, славянской.

Маланюк, как и другие переводчики-эмигранты, учитывая ограниченные возможности предоставляемых печатных площадей, был поставлен в условия особо жесткого отбора материала. Его переводы являются для нас поэтому не только образцом успешной переводческой работы, но и творчества в крайне неблагоприятных условиях.

Среди переводных произведений, созданных им, встречаются образцы адекватного перевода, где работа поэта сводится в основном к подыскиванию наиболее точных образных и словесных соответствий, с минимальным вмешательством в текст оригинала. Примером реализации такого подхода среди переводов из Махара можно назвать *Псалм*.

Переводы следующей группы при их также большой близости к оригиналу допускают вмешивание в текст произведения там, где это обосновывается необходимостью адаптировать содержание произведения к условиям иной ментальности. В таком ключе сделан перевод *Под Ерусалимом* и упоминавшейся выше *Песен раба*.

Совершенно особый тип перевода у Маланюка предоставляют стихотворения-*перевесы*, где передача чужого текста строится на новых и далеких от оригинала образах. Яркой иллюстрацией такого подхода может служить *Сухой псалм*.

Иногда в оригинальное стихотворение Маланюка органически вплетается фрагмент произведения другого автора, в результате чего происходит своеобразный диалог двух поэтов, переключка двух историй и культур. Такой принцип использован в четвертом стихотворении цикла *Моравская весна*.

Учитывая определенную взаимосвязь манеры перевода и задач, которые решаются с его помощью, рассмотрим особенности последней у Маланюка 50-60-ых годов, когда было напечатано большинство его переводных произведений.

Стихотворения, вошедшие в последние прижизненные сборники поэта были книгами итоговыми, просеянными через сито его глубоких раз-

мышлений о времени и о себе с учетом более широко открывшейся мировой культуры. Проникнутые *историсофической* идеей, они перекликались со статьями тех лет, вышедшими под заголовком *Очерки истории нашей культуры*. Сопоставление этих произведений, касающихся узловых моментов в истории Украины и поэзии, передававшей внутреннее состояние Маланюка тех лет, можно констатировать, что они дополняют друг друга, составляют гармоническое целое.

Новый уровень осмысления волновавших поэта проблем совдал с периодом так называемого *потепления* в самой Украине, следствием которого стало появление новой генерации литераторов, вошедших под именем *шестидесятники*.⁸ На нее Маланюк возлагал особые надежды, обо верил, что это поколение *певцов и пророков* сможет сформировать духовную почву для украинской государственности. К ним в первую очередь зывает его уставший поэтический голос.

В сборнике *Последняя весна*, ассоциирующемся с последним взлетом большой и сильной птицы, поднявшейся в небо, чтобы еще раз оглядеть мир, переводы включены в цикл *Встречи*. Стихотворения этой части книги несут на себе глубокий отпечаток личности поэта. Они представляют собой *высокохудожественное слово о разных людях, которые оказали влияние на формирование его мировоззрения или оставили свой след в его жизни*.⁹ Среди произведений цикла интимного характера, адресованное О. Туган-Барановский – киевской знакомой времен молодости, *Ars Poetica* посвященное польскому поэту Ю. Тувиму, с которым дружил Маланюк, поэтическое обращение к А. Ахматовой – *Антистрофы*, *Памяти поэта и воина*, навеянное судьбой Н. Гумилева.

Очень существенно, что круг людей, которые как бы перекликаются на страницах сборника, это не просто объекты его личной симпатии, но личности, оставившие след в истории, а значит духовные соратники поэта.

Своеобразным мостиком-связью между переводами стихотворений Махара и ими выступает поэтическое обращение *Над Балтикой*, где хотя его имя не называется, но легко угадывается за созданными символами.

Анализ двух переводов мэтра чешской литературы – *Голгофы* и *Сухого псалма*, сданных Маланюком, очень наглядно показывают в какой

⁸ О ней подробнее – *Кравцив, Б.: Шістдесят поетів шістдесятих років. Антологія української поезії*. Нью-Йорк, 1967.

⁹ *Войчишин, Ю.: Яркий крик і біль тужавий...*, К., 1933, с. 39.

большой мере способ интерпретации произведения зависел у него от раскрываемой темы. Так, если *Голгофа*, стихотворение, передающее одну из страниц библейской истории, хорошо известную многим, могла быть переведена приближенно к тексту оригинала, то второе произведение, отражающее особенности чешской истории, менее знакомой, естественно, украинцам, требовала перевода ее в круг более *доступных* понятий. Для носителя украинской ментальности таким мог быть лишь исторический путь его взаимоотношений с представителями русской нации. Выбор, сделанный Маланюком, оказался действительно оптимальным, хотя коррективы, внесенные в образный строй оригинала, а также сокращение текста по сравнению с ним настолько меняют форму произведения, что оно уже может быть названо переводом с большими оговорками, ср.:

Dvě vlasteneckých máme uniforem
a bez nich není života už skorem;
tím nebo oním – modrý nebo bílý –
a jinak chodit nemáš práva chvíli.

Так загадочно склалась наша вдача.
Два томи, що себе взаємно нищать
звучать несамовитим дисонансом
Крізь всі віки, крізь все життя народу
французська палкість та російська мла.

Изменения, привнесенные в образный мир оригинала, настолько существенны, что можно говорить о том, что в данном случае мы имеем дело с особым и не часто встречаемым типом перевода, который для воплощения требует особенно глубокого осознания разницы двух культур, а потому не под силу каждому переводчику. Новый текст по сути только отталкивается от оригинала, интерпретируя его внутреннюю суть через свою образную систему, стремясь и при несовпадении внешних форм вызвать у читателя родственные переживания.

Оканчивая достаточно беглый и поверхностный анализ и осознавая огромную необходимость более детального изучения, а также ответственность и сложность продолжения такой работы из-за разбросанности наследия поэта по различным периодическим изданиям нескольких стран,

надеемся своим сообщением привлечь внимание к творчеству выдающегося сына Украины и вызвать желание у коллег продолжить начатое.